

В следующей, 8-й строфе риторические вопросы «О чем жалеть? Куда бы ныне / Я путь беспечный устремил?» включают в стихи совершенно новые темы. Возникает столь резкий поворот в размышлении, что все 6 строф (8—13) о Наполеоне и Байроне (написанные в дополнение к основному тексту в Михайловском) могут быть рассмотрены как самостоятельная, вставная элегия с политическим звучанием. Ее замкнутость подчеркнута и кольцевым построением (вопросы в 8-й строфе и в 13-й). Разочарованность, безысходность риторических вопросов как будто бы раскрываются, разъясняются размышлениями о судьбе Наполеона и Байрона. Размышления закончены категорическим обобщением, исполненным мрачного скептицизма:

Мир опустел ... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба земли повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещение иль тиран.

Но кажущаяся обоснованность этого итога может быть легко подвергнута сомнению. Вывод о «судьбе земли» — результат каких-то иных размышлений поэта, не включенных в стихи. Историческая судьба Наполеона и Байрона не дает оснований для столь решительного, общезначимого итога. С другой стороны, значение трагического конца этих «властителей дум» шире, чем вывод о роковой роли просвещения или тирана.

Далее, от строфы 13-й («Мир опустел...») перехода к концовке вовсе никакого нет. От обобщений, окрашенных «мировой скорбью», поэт возвращается к началу стихотворения, прощается с морем:

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго помнить буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

Тема снова заключена в личные, биографические рамки. Элегическая концовка, где даны торжественные обещания морю, при всей возвышенности лексик и романтической условности деталей («И блеск, и тень, и говор волн») звучит все-таки обыденно по контрасту с предыдущими многозначительными стихами.

Однако внешняя непоследовательность, скачкообразность развития тем, при которой стихи как бы распадаются на отдельные строфы или группы строф, только внешняя, кажущаяся.

Противостоят кажущейся отрывочности стихотворения прежде всего некоторые особенности внешней композиции. Они очень важны, но не подчеркнуты, это как бы внутреннее свойство текста. Речь идет о кольцевом построении стихотворения «К морю».

Первые две строфы и две последние связаны между собой наиболее тесной, лирической связью, в них единая лирическая тема («Прощай, свободная стихия!...» — «Прощай же, море...»). Эти четыре строфы могли бы составить законченное, очень стройное лирическое стихотворение. Две строфы в начале и две строфы в конце замыкают всю композицию в кольцо, стихотворению придается завершенность, ритмическая музыкальность.

Но не только все стихотворение замкнуто внешним кольцом: в построении отдельных отрывков стихотворения можно наблюдать подобную же